

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская

Особенная

«Public Domain»

1912

Чарская Л. А.

Особенная / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1912

"Ли́ка стояла в дамской комнатке перед трюмо. В белом платье необычайного фасона, похожем на невесомое одеяние ангела, с веткой белой магнолии, вплетенной в волосы, по-новому красивая, Ли́ка казалась теперь каким-то неземным видением..."

© Чарская Л. А., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	12
V	18
VI	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лидия Алексеевна Чарская

Особенная

I

На дебаркадер вокзала царила обычная сутолока, предшествующая приходу каждого поезда. Ежеминутно к краю дебаркадера подходили мужские и женские фигуры, со смутной надеждой увидеть вдали огненные глаза локомотива; слышалась полная волнения, то срывающаяся на полужесткую, то снова возобновляющаяся речь...

Все были беспокойны... Все сердца наполнены одним и тем-же желанием: скорее бы встретить, дожидаться, увидеть...

Студеный августовский денек хмурился и грозил встретить тучами и дождем вернувшихся на родину путешественников. Серое небо, как бы вяло и нехотя, смотрело на землю. Утренний ветерок пронизывал тело неприятным колючим холодом. Все до крайности было скучно, серо и пусто в природе в это неприглядно начавшееся осеннее утро.

Невысокая, элегантно одетая дама, под темной вуалеткой, стояла неподалеку от вокзального колокола и, не отрываясь, смотрела в туманную, серую даль, откуда должен был вынырнуть заграничный поезд. Вот она нетерпеливо сдернула вуалетку, мешавшую ей смотреть. Из-под загнутой сбоку фетровой шляпы выглянуло красивое, еще молодое, беспокойное лицо. Живые, полные блеска, серые глаза светло смотрели на мир Божий. Яркие губы были чуть полуоткрыты и по временам вздрагивали от волнения.

Трудно сказать, сколько ей было лет; ее лицо было изменчиво; оно то улыбалось молодо, весело и беззаботно, то хмурилось и как-то разом, в одну минуту, старело. Красивая дама волновалась, это было видно по всему.

– Боже мой! Скоро ли? – чуть слышно сорвалось с ее губ и глаза ее с новой настойчивостью впились взглядом в серую пелену утреннего тумана.

– Поезд! Поезд идет! – послышался за ее плечами чей-то нервно вибрирующий голос.

Дама вздрогнула и подалась вперед. Действительно, вдали показались два ярко горящие кружка, рельефно выделившиеся среди серого туманного фона. Но как они еще далеко!.. Чуть приметно, бледно мерцают они вдали. Озноб нервного напряжения охватил даму. Ее сердце забилося усиленным темпом. Под нарядной кружевной пелериной манто вздымалась ее грудь тяжелым бурным дыханием.

– Господи! Когда же? – беззвучно произнесли ее дрожащие губы и вся она замерла в мучительном созерцании приближающихся огненных точек. Вот он ближе... ближе... яснее... Вот уже можно различать медленно ползущее чугунное тело локомотива... Слава Богу, теперь скоро уже...

Толпа встречающих бесшумно сосредоточилась у края платформы. Ни слов, ни возгласов больше не было слышно... Вот высокий полный субъект купеческой складки с полуаршинной бородою, снял цилиндр и, вынув клетчатый фуляровый платок, вытирает им пот с лица, не отрывая в то же время жадного взора от приближающегося к дебаркадеру огромного чудовища. Какая-то маленькая старушка, с моськой под мышкой, суетливо топчется тут же, поминутно вздыхая. Подле нее девочка с глазами, полными мучительного ожидания, смотрит на огненные точки и чуть внятно шепчет что-то побелевшими губами. Вот еще и еще разные лица... Мария Александровна Карская (так звали элегантную даму с красивым лицом) смотрит на купца и на девочку, и на старуху с моськой машинальным взглядом человека, думающего о чем-то другом, и снова глаза ее приковываются к заветным фонарям локомотива. Теперь они уже совсем близко, тут, почти рядом, перед глазами. Наконец, поезд подполз вплотную

к дебаркадеру и остановился. Бесшумная толпа носильщиков метнулась к вагонам и быстро потонула в темных недрах купе. Мария Александровна двинулась, было, туда же за толпою встречающих, но, мигом сообразив что-то, подалась назад и, подойдя к вокзальному колоколу, остановилась около него. Отсюда она могла отлично видеть выходивших из купе пассажиров. И, не отрывая от глаз лорнета, она принялась смотреть, вся исполненная мучительного ожидания, туда, откуда вслед за носильщиками, нагруженными чемоданами, пледами, корзинами и сундучками, выходили вновь прибывшие. Слышались восклицания, шум приветствий, поцелуи, слезы и смех. Напряжение разрешилось разом... Мимо Карской шли теперь люди торжествующие, счастливые, об руку с теми, для кого они приехали сюда сегодня. Вот идет толстый купец, сияющий и красный, бросая вокруг себя радостные улыбки; с ним рядом полная рыхлая женщина в маленькой шляпе, с добродушным лицом. Вот маленькая старушка с москвой и молоденькая девушка, ведут под руки красивого, бледного, болезненного вида господина в безукоризненно сшитом дорожном костюме. Глаза старушки полны слез, но она не замечает их. И девочка плачет тоже, хорошими, счастливыми слезами.

Что-то подступает и к горлу Карской. Что-то сдавило ей грудь. И ей хочется заплакать. Нервы напряглись до крайности. Ожидание делается почти нестерпимым. Ее глаза с тревогой перебегают взглядом с одного вагона на другой, тревожно впиваются в каждое новое лицо, появляющееся из мрака купе, на платформе.

– Да где же она? Где же? – бессвязно лепечут губы, – ее нет... она не приехала... Со следующим поездом, значить? – и Карская готова уже бежать с расспросами по поводу прихода следующего поезда к неподалеку стоящему начальнику станции, готова расплакаться, как ребенок, но ее неожиданно останавливает чей-то голос:

– Мама!

Карская вздрагивает, оборачивается с живостью девочки и во все глаза смотрит на ту, которая только что позвала ее.

Перед ней высокая, стройно сложенная девичья фигурка в сером платье. Из-под дорожной шляпы выглядывает красивое, юное личико. Что-то бесконечно милое, близкое, родное чудится в нем Карской.

Мария Александровна еще раз пытливо взглядывает в эти юные, дорогие, ей черты, в большие, яркие глаза девушки и разом сладкая, теплая, волна захлестывает ее всю с головою.

– Лика! Моя девочка! – лепечет она в порыве счастья.

II

– Так вот ты какая! Покажись! Дай мне посмотреть на тебя, – с восторженной гордостью говорит Мария Александровна, любясь изящной фигуркой и прелестным личиком дочери.

– Ах, что я! Вот вы – прелесть, мама! Если бы вы только знали, какая вы прелесть! – лепечет Лика, любящим взором лаская мать, – и подумать только: я – ваша дочка, – добавляет она с наивным детским простодушием.

И действительно, в своем радостном порыве и без того моложавая Мария Александровна кажется старшей сестрой своей дочери. Сияющие глаза Карской ласково встречают горящий взгляд Лики.

– О-о! наконец-то, моя деточка, я дождалась тебя!.. – шепчет она нежно, прижимая к себе девушку.

Новый град поцелуев служит ей ответом.

– Как ты узнала меня? – все с тою же сияющей радостной улыбкой, помолчав минуту, спрашивает она дочь, когда обе они, крепко прижавшись друг к другу, движутся к выходу вокзала.

– А ваш портрет, мама! Я с ним не расставалась ни на минуту... – серьезно, без улыбки отвечает Лика и ее глаза загораются каким-то новым, тихим, глубоким светом.

– Милая девочка! – ласково шепчет ей Карская, – я думала, что ты не узнаешь меня, и потому написала, что буду ждать у колокола.

– Ах, этого и не надо было! – горячо возразила Лика, – я, как вышла из вагона, оглянула толпу и вдруг увидела: такая молодая, красивая... Чудная... ну значит, моя мама!

И она нежно поднесла руку матери к своим губам.

– Лика, *mon enfant*,¹ а твои вещи? – вдруг спохватилась Мария Александровна, – я ведь не взяла выездного с собою, никого не взяла... хотела первая увидеть мою девочку, одна увидеть без посторонних свидетелей, да! Я даже *petit papa*² не позволила тебя встретить... Он цветы прислал... там, в карете.

– Ах, мамочка! – и Лика покраснела от удовольствия и смущения.

Румянец удивительно шел к ее милому личику. Марии Александровне казалось, что она грезит во сне, видя свою дочь такой прелестной. Она так боялась, так страшно боялась этой встречи. Оставив дочь десятилетней девочкой, она имела о ней весьма смутное понятие и далеко не ожидала найти в ней такое доброе, отзывчивое сердце и эту любовь и ласку к себе. А оказалось совсем иное. Нет, положительно, Лика прелестна. И Карская с нескрываемым восхищением следила, как молодая девушка позвала носильщика, передала ему квитанцию от багажа, вручила свой адрес и, приказав доставить вещи как можно скорее, снова обернулась с тою же счастливой улыбкой к матери.

– Откуда у тебя этот навык, крошка? – изумленно обратилась к ней Мария Александровна.

– О, это – метода тети Зины! – засмеялась Лика, – ведь моя тетя Зина не терпит беспомощности, и разгильдяйства!

– Но неужели ты ехала одна, Лика?

– От Вены одна, эта австриячка Готенбург довезла меня до своего города, а там мы расстались. Что же вы беспокоитесь, мамочка? Ведь я не маленькая! – с истинно детской гордостью заключила Лика.

¹ Дитя мое.

² Отчим.

– Ты – прелесть! – улынулась Мария Александровна, с трудом удерживаясь от желания расцеловать это чудное личико, – однако, едем, малютка, пора!

Они вышли на перрон вокзала: Кровный рысак под английской упряжкой с крохотной впряженной в ней кареткой-купе ждал их у крыльца.

С легкостью птички Лика прыгнула в купе и тихо ахнула: великолепный букет белых роз слал ей свой душистый привет из угла кареты.

– Ах, какая роскошь! – прошептала молодая девушка, погружая в цветы свое заалевшее личико.

Но не один букет этот, – все радовало и волновало ее сегодня: и серые петербургские улицы, и частые пешеходы, и встречные экипажи, и самые здания, так мало похожие на те венцы человеческого творчества, которые приходилось встречать Лике в Европе. Ведь это было свое русское, родное! Это была родина. Это – Русь... Русь с ее колокольными звонами, с ее снежными сугробами, с ее троечными бубенцами и истинно православным радушием, мягкостью и весельем, это – Русь родная, святая, дивная Русь!

Глаза Лики увлажнились. Она опустила окно каретки и с наслаждением пила свежесть августовского утра. И ее глаза блестели, губы улыбались. Она – дома. Она у себя – дома! В своей белой, родной, студеной стране, которую, несмотря на долгие восемь лет, помнила так хорошо, так свято!

– Какое счастье! Какое счастье! Mamочка! – неожиданно вырвалось из груди молодой девушки горячим порывом.

III

Мария Александровна Зарюнина или Мими, как ее называли в свете, рано осиротела и тотчас после смерти отца, вышла замуж за товарища его и друга, пожилого, видного по занимаемому им посту генерала Горного. Это был рьяный, суровый и исполнительный служака доброго старого времени. Женился он на дочери своего товарища хорошенькой Мими из жалости к одинокой сиротке, девушке, знакомой ему с самого раннего детства, и сумевшей тронуть этого сурового воина своей печальной судьбой. Не долго однако пользовался своим счастьем Горный. Через семь лет генерал неожиданно умер, оставив вдовою совсем еще молодую женщину с тремя детьми, из которых старшей Ирине было всего четыре года, сыну Анатолию полтора, а младшая Лидия, или Лика, была еще в то время двухмесячным младенцем. Овдовев Мария Александровна уехала с детьми в имение мужа, оставленное ей с крупною суммою капитала умершим генералом.

Обрушившееся на нее несчастье случилось так неожиданно, что молодая женщина не успела даже отдать себе отчета, как она перенесет потерю. Мария Александровна не могла не уважать и не любить своего покойного мужа, за его честность и доброту и искренне оплакав его, решила посвятить себя целиком воспитанию своих двух девочек и сына Толи, на которого возлагала самые горячие надежды.

Но Мария Александровна была еще слишком молода, чтобы отказаться от привычной ей светской жизни. Прожив три года в «Нескучном», она не выдержала в конце концов, и забрав подросткую детвору, снова вернулась в Петербург, где ее ждали выезды, балы и рауты, опера и круг друзей, который с удовольствием принял в свой центр молодую богатую вдовушку. К девочкам была приставлена сухая и чопорная англичанка мисс Пинч, к Толе веселый и жизнерадостный швейцарец *monsieur* Колье. Дети мало заботили Марию Александровну. Они пользовались завидным уходом со стороны воспитателей. Только Лика постоянно тревожила мать. Девочка росла худеньким, болезненным и слабым ребенком, подверженным постоянным простудам севера. Никакие летние поездки к морю, в дачные местности вроде Ораниенбаума или Сестрорецка, не помогали ей. Год от году бледненькая худенькая Лика становилась все бледнее и прозрачнее. Мария Александровна пробовала возить ее на лето в «Нескучное», жертвуя собою, отнимая от себя прелесть дачных удовольствий. Но ничего не помогло.

Здоровье Лики не улучшалось.

И вот, как снег на голову, в семье Горных, появилась внезапно приехавшая в Россию золовка Марии Александровны, Зинаида Владимировна Горная, родная сестра покойного генерала.

Зинаида Владимировна безвыездно проживала за границей в силу некоторых обстоятельств, и на родине считала себя, как бы, гостьей. Это было до крайности доброе существо. Она сыпала щедрою рукой помощь нуждающимся, отказывая себе во всем. Резкая, чрезвычайно добрая, честная и прямая, она представляла собой редкое необычайное явление.

Зинаида Владимировна неожиданно перелетела сюда в снежные сугробы из цветущих долин и от прозрачно голубых озер Италии в холодный и суровый климат России, в семью золовки и прямо приступила к цели.

– Сестра, отдайте мне Лику, – сказала она. – Я сделаю из нее здоровую, сильную девушку. Мария Александровна сначала заохала.

– Расстаться с Ликой! с этим бедным хрупким ангелом! Низачто в мире! Нет! Нет! Это ужасно!

– Тогда нечего было писать мне, что Лика слаба, больна, что Лика умирает, когда вы не хотите спасти ее! – резко выкрикнула энергичная тетя Горная и этим решила все: Лику отпустили с нею. Лику ей отдали на долгие годы. Но, к довершению всего, увозя Лику от матери,

ее новая воспитательница поставила в условие последней: не навещать дочери за границей, не растравлять сильными острыми впечатлениями хрупкого организма ребенка и дать девочке возможность подняться при нормальных условиях жизни и окрепнуть вполне.

Мария Александровна повздыхала, поплакала, но ради интересов дочери, согласилась на все это, скрепя сердце.

Десятилетняя Лика без особенного горя рассталась с семьей. Мать она привыкла видеть ежедневно лишь очень непродолжительное время по утрам единственное время, которое Мария Александровна, занятая светом и выездами, могла посвящать детям.

С сухой, требовательной, и как бы застывшей в своей английской невозмутимости мисс Пинч у Лики не было ничего общего; со старшей сестрой Ириной, точным сколком той же мисс Пинч, еще меньше, с Толей... Но Мария Александровна была против дружбы ее с Толей, находя, что мальчик может дурно влиять на склад характера «барышни», и таким образом Лика была вполне одинокой среди своей большой семьи.

Восемь лет за границей промчались, как во сне для Лики. Тетя Зина горячо привязалась к бледной хрупкой девочке.

Зиму они жили в Париже, где к Лике ходили учителя, лето – в Италии, где-нибудь около Пармы или Небри, у тихо плещущих, вечно голубых и вечно юных волн Адриатического моря.

Ежемесячно из России приходили письма от матери, а Лика с затаенным смятением и радостью пробегала их.

Лишенная присутствия матери, девочка унесла с собою за пределы России прелестный образ Марии Александровны. Если она чуждалась, матери в детстве, у себя, дома, в Петербурге, чуждалась этой обаятельной блестящей красавицы, то на далеком расстоянии, оторванная от нее, бледненькая Лика в своих детских грезах запечатлела этот образ, прочно, раз и навсегда. Не мало способствовала этому и тетя Зина, постоянно беседуя с ней о ее далекой маме.

Время шло. Лика подрастала. Вместе с ее трогательной любовью к Марье Александровне, какою-то заоблачною любовью к далекому существу, тетя Зина постаралась внушить Лике и любовь к ее родине, глубокую, бесконечную любовь; как и сама она тетя Горная любила Россию, всем сердцем, так и научила любить ее и свою юную воспитанницу.

– Гляди, – гуляя как-то под сводом собора святого Петра в Риме, неожиданно воскликнула тетя, хватая Лику за руку, – гляди! Если бы к нам его в Россию нашу перетащить! Вот было бы славно!

Маленькая Лика, внимательно вслушиваясь в слова тетки, всем сердцем обнимала милую родную страну, в которой, по словам тети Зиной, было не так, и далеко не так хорошо, как в первых культурных странах шагающей быстрыми шагами вперед Европы.

И в большом сердечке маленькой девочки, умевшем горячо воспринимать в себе всякие добрые побуждения, зародилась впервые мысль, как хорошо было бы, если бы все эти чудесные великолепные здания, все эти дворцы и музеи, наполненные чудесами искусств можно было бы считать русскими, своими!

Впервые Лика, когда они, с тетей Зиной странствуя по Швейцарии, остановились как-то в одной жалкой бедной деревушке, заметила еще одно обстоятельство, заставившее ее глубоко вздохнуть.

Тетя Зина поманила какого-то крошечного мальчугана и спросила его, умеет ли он читать. Мальчик гордо взглянул на любопытную иностранку и отвечал утвердительно.

– Видишь! Видишь! – торжествуя обратилась тетя Горная к Лике, – все они здесь, все! все! знают грамоту. А у нас еще сколько безграмотных, темных людей в России! Посещение школ должно быть обязательно в культурных странах: это рассеет громадную долю мрака. А потом...

Но тут тетя Зина как-то разом спохватилась, вспомнив, что еще далеко не все можно говорить племяннице, что она еще слишком молода.

В четырнадцать лет у Лики появился голос. Боясь за хрупкое здоровье девочки, Зинаида Владимировна стала, однако, исподволь учить Лику пению. Был приглашен учитель итальянец по имени синьор Виталио, и он стал знакомить девочку со своим любимым искусством.

Это был дивный человек, положивший всего себя на дела милосердия, проконцертировавший всю свою молодость с благотворительными целями и теперь отдававший себя целиком на славу родного искусства.

– Если у меня окажется голос, я буду так же эксплуатировать его в делах милосердия! – во время одного из уроков сорвалось с губ пятнадцатилетней Лики.

– Дитя мое! Дорогое дитя! – мог только выговорить итальянец, потрясенный до глубины души этим чистым детским порывом. – Помните, что вы сказали, Лика. Это – великие слова, моя милая деточка!

– Да! да! – вскричала восторженная юная певица, – и не только теперь и всегда это так будет. О, синьор Виталио, и ты, тетя! Слышите ли? Я всегда... всеми силами... буду стараться сеять все доброе вокруг себя. Господи, если бы вы знали, как хорошо мне! Как я счастлива! как все любят меня? Тетечка! Вчера еще синьор Виталио сказал, что у меня хороший голос. Господи, как мама обрадуется! Какое счастье! За что мне дано все это?

– Да, Лика, громадное счастье иметь хороший, голос! Господь дает его не многим избранным, дитя мое. Надо заслужить это благо, – почти молитвенно произнес старый учитель.

– Я постараюсь заслужить его, – пылко вскричала девочка, – клянусь вам, я заслужу его! Вот тетя говорить всегда, что в нашей суровой стране мало солнца, что там больше мглы и, что самое солнце так далеко в тучах, что мы все, как слепые, не видим его... Так надо же, чтобы оно засветило и заулыбалось и у нас, синьор Виталио! Тетя! Пусть и я, и другие такие же, как я, молодые и сильные, стремятся к тому. Ведь если делать много добра, много хорошего и светлого, оно появится? оно засияет наше солнце? И будет хорошо у нас, как и здесь, как и всюду? Скажи мне, тетя! Синьор Виталио! Скажите мне!

– Дорогое дитя! – могла только выговорить Горная и крепко обняла племянницу.

А еще через год Лика выступала уже с благотворительной целью в пользу недостаточных русских, которые были волей рока заброшены сюда на чужбину. Небольшая колония русских и все итальянское население города откликнулись на призыв молодой девушки и каждый внес посильную помощь в это доброе дело. Вслед за тем Ликой и ее учителем был дан новый концерт в Милане в пользу неаполитанских рыбаков, пострадавших от наводнения.

Синьор Виталио мог гордиться своей ученицей. Она обладала прекрасным голосом и школой. Юная певица привела в восторг ее слушателей. Успех Лики превзошел все ожидания. Один из директоров итальянской оперы предложил ей тут же ангажемент, неслыханно-выгодный для такой молоденькой девушки. Но тетя Зина поблагодарила за высокую честь, оказанную маэстро, и увезла Лику к морю, где у нее была своя собственная крошечная вилла.

В ту же осень тетка и племянница получили письмо, извещавшее о вторичном замужестве Марии Александровны с человеком, занимавшим очень видное место при одном из министерств. А еще через год новое письмо матери к Лике перевернуло весь строй жизни молодой девушки.

Лику отзывали назад, домой в Россию.

IV

– Что это? Разве приехали? – и молодая девушка точно проснулась от своего зачарованного сна.

Карета остановилась у Царскосельского вокзала. Носильщик предупредительно распахнул дверцу экипажа.

– Ах, да! ведь вы еще на даче! – сообразила Лика и звонко рассмеялась своим детски-искренним смехом.

Мария Александровна, не отрывая глаз, следила за дочерью. Нет, положительно, с каждой минутой все больше и больше нравилась ей эта милая, ласковая, добрая, жизнерадостная Лика.

Когда, по настоянию своего нового мужа Андрея Васильевича Карского, утверждавшего, что столь продолжительное отсутствие из родного дома Лики, может совсем отлучить девушку от родной семьи, она решила выписать дочь. Мария Александровна, успевшая отвыкнуть от своей девочки, не без трепета подумывала об их будущей совместной жизни. Она знала резкий характер тети Зины и чуточку даже побаивалась ее, этой энергичной, быстроглазой, с легкой проседью в гладко зачесанных волосах женщины. Боялась насмешливости тети Зины, боялась ее строгого отношения к людям, боялась ее резких быстрых, но всегда метких и чрезвычайно справедливых суждений. Но больше всего боялась она влияния тетки на Лику, тех же резких суждений могущих проявиться и у молодой девушки, которые были бы слишком странны для ее юных лет.

И вот, ей пришлось приятно ошибиться при первом же взгляде на добрую, нежную и мягкую Лику. Мария Александровна успокоилась сразу и прогнала от себя напрасные страхи. Идя под руку с Ликой по платформе Царскосельского вокзала она с горделивым чувством счастливой матери отвечала на поклоны знакомых и в то же время глаза ее говорили: «Не правда ли, как она хороша? Это – моя дочь! Моя Лика!»

– Лика! Вот и наши! Они приехали встретить тебя из Павловска, – заметив две знакомые мужские фигуры вдали, радостно проговорила Мария Александровна, нежно сжимая руку дочери.

– Ах!

Девушка ускорила шаг и почти бегом побежала навстречу приближающимся, но внезапно сообразив, что это не удобно, остановилась, подалась назад и стояла теперь с лицом, залитым краской смущения, розовая, юная, прелестная, как никогда.

– Petit papa? – робким застенчивым звуком сорвалось с ее губ, когда перед ней склонилась высокая, представительная фигура безукоризненно одетого в легкий летний костюм штатского, и она привстала на цыпочки, чтобы достать губами до его головы, с которой он снял шляпу.

– Petit papa! Как я рада!

– Chère³ Лика! – Карский выпрямился, поцеловав несколько раз подряд нежные ручку и щечку падчерицы, и молодая девушка могла сейчас рассмотреть выразительное, несколько усталое лицо с тщательно выхоленными баками и честными, суровыми, чуть сощуренными глазами.

Мы будем друзьями, не правда ли, Лика? – произнес он снова, – я так люблю, так уважаю вашу маму, а вы ее дочь и этим сказано все.

– О Andre,⁴ – вмешалась Мария Александровна, – говори «ты» Лике, – она ведь совсем еще дитя.

³ Дорогая Лика.

⁴ Андрей.

– Ça viendra avec le temps si elle, met le permet,⁵ – любезно улыбаясь своей несколько холодной улыбкой, отвечал отчим.

– Лика злая! А меня ты не узнаешь?

– Боже мой! Толя! Ведь, Толя, правда?

И Лика протянула обе руки молоденькому пажу, который во все глаза смотрел на сестру.

Лика едва узнавала теперь в этом миловидном с черными усиками пажике своего десятилетнего братишку Толю, с которым она не раз, обманув бдительность мисс Пинч, потихоньку от старших играла в лошадки.

– Толя, милый Толя! – и она несколько раз подряд поцеловала брата.

– Постой! Постой! – с озабоченным видом остановил ее тот, – дай взглянуть на тебя хорошенько...

– Да какая же ты славенькая, сестренка! Настоящая красавица, совсем, как мама, право, вот тебе раз! – и он шутливо развел глазами.

И впрямь Лика была очень хороша собою. Снежно белое личико с тонким, породистым носиком, несколько припухлые розовые губки, большие, чистые, серые глаза, добро и мягко сияющие из-под темных прихотливо изогнутых бровей; длинные черные ресницы, делающие глаза значительно и темнее; и целый сноп белокурых волос с золотистым отливом, все это давало одно чудесное и гармоничное целое. И при всем этом неподражаемая простота во всех движениях, бессознательная грация и какое-то врожденное благородство осанки дополняло ее существо.

– Премилая ты, милая сестреночка! – с искренним восторгом проговорил еще раз Анатолий, не спуская с сестры восхищенного взора, своих веселых, жизнерадостных глаз.

Но Лика почти не слышала и не чувствовала того, что происходило вокруг нее.

Словно во сне, как зачарованная, шла она, опираясь на руку брата, отвечая бессознательными улыбками на общие взгляды, обращенные к ней.

И снова сквозь тот же сон говорила она с кем-то, кого подвел ей отчим, пожимала чьи-то протянутые ей руки и улыбалась, но кому улыбалась она решительно не различала и не понимала сейчас.

В том же зачарованном сне провела Лика те три четверти часа, которые перенесли ее из Петербурга в Павловск, и очнулась только лишь перед решеткой, отделяющей их дачу от пыльного Павловского шоссе, расположенную совсем поблизости парка.

– Пойдем к Рен! – тут же предложил ей Толя и, подхватив сестру под руку, чуть ли не бегом помчался с нею по прямой, как стрела, усыпанной мелким гравием, дорожке сада.

Лика невольно отступила, смущенная неожиданностью встретить здесь в саду такое большое и блестящее общество.

На гладко утрамбованной садовой площадке, окаймленной со всех сторон зелеными лужайками, с коротко подстриженным на них изумрудным газоном, и усеянными здесь и там куртинами с душистыми садовыми цветами, гелиотропом, резедой, горошком, левкоем и розами, несколько человек играло в лаун-теннис. Высокая сетка разделяла площадку по самой середине на две равные части и вокруг этой сетки, по всем углам эспланады, группировались играющие.

Тут были два пажа, тоненький шатен и довольно плотный блондин, оба юноши по восемнадцатому году, товарищи Толи и длинный, как жердь, штатский в каком-то необычайном спортсменском костюме, позволявшем видеть его затянутые в шелковые чулки тощие ноги. Сам он имел очень надменное и самодовольное выражение лица, увенчанного рыжими баками и усами.

⁵ Это придет со временем, если она позволит.

Не обратив внимания на присутствующих незнакомых людей, Лика так и впилась глазами в одну из двух барышень, находившихся тут же.

Сомнений не было. Подле мисс Пинч, ни мало, ни капли не изменившейся в эти восемь лет разлуки с Ликой, стояла старшая из сестер Горных. Впрочем, Лика скорее догадалась, нежели узнала сестру.

Высокая, с длинными костлявыми руками и ногами, с некрасивым надменным лицом и белокуро-пепельными, гладко зачесанными волосами, двадцатилетняя Ирина Горная казалась старше своих молодых, почти юных лет. Краски молодости, казалось, никогда не оживляли этого длинного лица; глаза давно потеряли свой детский радостный блеск, или даже вернее, и не были знакомы с тем ярким блеском, который так присущ молодости. На ней были надеты короткая клетчатая юбка и английская рубашечка с мужской крахмальной манишкой, заканчивавшейся тугим стоячим воротником с черным галстуком. На голове блинообразная спортивная фуражка, на ногах желтые туфли без каблучков.

Помахивая рэкетом и сильно раскачиваясь на ходу, Ирина подошла к сестре.

– Очень рада! – процедила она сквозь зубы, сильно, энергично встряхивая худенькие пальчики Лики и, подставляя ей в то же время свои щеки для поцелуя. Потом, еще раз, проговорила уже по-английски: – очень рада тебя видеть, сестра!

– Реночка! Дорогая! Сколько лет не видалась! – восторженно восклицала младшая Горная, покрывая лицо Ирины бесчисленными поцелуями.

Та спокойно выслушала это горячее приветствие, потом, обернувшись назад, в сторону играющих, негромко произнесла по-английски:

– Мисс Пинч! Это моя сестра Лика; вы не узнали ее?

Мисс Пинч, сухая, пожилая особа с тщательно причесанными седыми волосами, приблизилась ко вновь прибывшей и с любезным вниманием приветствовала ее.

– Это ваша сестра, Рен? – послышался в ту же минуту за плечами Лики веселый молодой голосок, и перед ней предстало смеющееся, оживленное личико с потешным пуговицеобразным носиком, точно вспухшим ртом и крошечными черными, быстрыми как у мышат, глазками. – Бэтси Строганова, – отрекомендовало себя смеющееся существо, – собственно говоря, Лиза Строганова, если хотите, но Рен пожелала превратить меня в Бэтси, и я – самая ревностная поклонница и последовательница Рен, хотя столько же похожа на англичанку, как...

– Как я на любезнейшего мистера Чарли! – вставил не отходивший от сестры все это время Анатолий.

– Ах, оставьте, пожалуйста! – весело отмахнулась та; – вы отлично знаете, что я не то хотела сказать. А впрочем... – и, лукаво усмехнувшись всей своей забавной мордочкой, Бэтси добавила совсем уже серьезно: – Monsieur Толя! однако, представьте же m-lle Лике наше общество!

– Вы правы! – с новым шутивным поклоном подхватил Анатолий, – и я начинаю с вас. Елизавета Аркадьевна Строганова, так безжалостно превращенная в мисс Бэтси нашей уважаемой сестрицей, – достойный потомок тех знаменитых Строгановых, которые помогли Ермаку покорить Сибирь или которых покорил Кучум вместе с Сибирью... что-то в этом роде! – присовокупил молоденький паж, дурачась.

– Но вы невозможны, monsieur Анатолий, – захохотала Бэтси.

– Простите меня, мадемуазель! – серьезно-деловитым тоном заключил Анатолий.

– Барон Чарли Чарлевич, – минутой позднее продолжал он докладывать несколько смущенной всем этим шумом Лике, – барон Карл Карлович Остенгардт, – указывая на штатского, добавил он уже громко.

Длинный барон с чувством собственного достоинства почтительно поклонился молодой девушке.

– Мои закадычные друзья Боря Туманов и Федя Нольк, – продолжал Анатолий, подводя к сестре обоих своих друзей, пажей. – Теперь все мы, кажется, знакомы! – со вздохом облегчения проговорил молодой человек.

– Хотите партию? – продолжала маленькая Бэтси, протягивая Лике свой рэкет.

– Нет, нет, – поторопилась отказаться та, – если позволите, я буду лучше издали следить за игрою. Я несколько устала с дороги!

– А разве ты не хочешь переодеться? – шепотом спросила Рен, вскидывая на сестру свои бесцветные глаза.

– Разумеется! – поспешила ответить та.

Мисс Пинч предупредительно предложила свои услуги проводить Лику в ее комнату. Через две-три минуты она открыла молодой девушке какую-то дверь и Лика очутилась в прелестном гнездышке, обитом светло-розовым крепоном, с мебелью в стиле Помпадур, усеянной пестрыми букетиками по нежному розовому фону. Всюду, словно ненароком, были разбросаны крошечные по объему диваны, креслица, пуфы, ширмочки и козетки. Во всю комнату был разостлан пушистый ковер, в котором преобладали самые нежные цвета и оттенки. Небольшой с инкрустациями дамский письменный столик стоял у окна, наполовину завешанного белоснежной занавеской: в одном углу комнаты помещался задрапированный розового цвета материей прехорошенький туалет. В другом углу высился зеркальный шкаф; неподалеку от него находились ширмочки с изображениями маленьких маркиз и маркизов; ширмочки скрывали белоснежную кровать, отгороженную ими. И всюду: на этажерках, на туалете, на столиках – ютилась целая масса красивых безделушек из хрусталя, фарфора и бронзы.

Лика, привыкшая у тетки к простому, безо всякой роскоши образу жизни, молча отступила в удивлении и восторге при виде всех этих очаровательных вещей. Ей даже диким показалось, что вся эта сказочно-красивая обстановка будет отныне принадлежать ей, одной ей; только она, а никто другой – обладательница всего этого очаровательного гнездышка, похожего на бомбоньерку.

– Ах, Господи! – могла только тихо проговорить Лика и, как ребенок, всплеснула руками.

– Что, крошка, нравится тебе все это? – послышался знакомый голос за нею, и Мария Александровна, успевшая уже переодеться во что-то чрезвычайно легкое, белое и изящное, протянула дочери обе руки.

Лика с жаром приникла к ним губами, целуя их.

– Я не знаю, как отблагодарить вас, мама! – горячо вырвалось у нее, – за все, что вы сделали мне.

– Очень рада, что, тебе нравится все это. Будуар отделан по моему вкусу. У княжны Столпиной точно также. Я хотела отделать так твоё гнездышко в Петербурге, на городской квартире, но побоялась, что моя девочка почувствует себя неуютно на даче. Все это в город всегда можно перевезти. А здесь, по крайней мере, на первых порах тебе понравится твой уголок и ты почувствуешь себя хорошо и приятно в домашней обстановке.

– Ах, мама! Как вы можете так думать! Я и без этого... так ужасно счастлива вернуться домой и увидеть вас, мама, и всех наших!

– Милая девочка! – нежно пригладив выбившуюся прядь волос на голове Лики, произнесла Марья Александровна. – Однако, тебе следует переодеться, Лика. Я позвоню Фешу, она поможет нам.

Молодая, очень расторопная с виду горничная в ослепительно белом переднике и чепце появилась на пороге.

– Вы будете служить младшей барышне, Феша! – деловым тоном произнесла хозяйка дома.

– Слушаюсь, барыня! – почтительно отвечала девушка, в то же время бойким взглядом окинув фигуру Лики, как бы желая удостовериться сразу, какова будет ее молоденькая госпожа.

– Ах, ведь я и забыла. Мои вещи отправлены на городскую квартиру, – спохватилась вдруг Лика, – и мне не во что переодеться сейчас.

Мария Александровна чуть заметно улыбнулась с лукавым видом.

– Об этом мы здесь уже позаботились с Фешей, детка, без тебя, – успокоила она дочь, – я в письме к тете Зине осведомилась о мерке для твоих платьев и, получив ее, тотчас же заказала тебе заочно несколько костюмов на первое время, по крайней мере.

И, приказав горничной сейчас же принести все наряды, Мария Александровна нежно обняла бросившуюся ей на грудь Лику.

– Мапочка! Мапочка! Чем я заслужила все это? Господи! – восторженно лепетала та, осыпая шею, лицо и руки матери градом иступленных поцелуев, – подумайте только, я – точно скромная Сандрильона, которую добрая волшебница превращает в нарядную принцессу, по мановению волшебного жезла! Точно в сказке! Чем мне отблагодарить вас за все ваши заботы обо мне, мама? Скажите, чем?

– Чем? – и Мария Александровна чуть прищурила на дочь свои живые серые глаза, – люби меня немножко, чуточку люби, детка... ну, хоть наполовину меньше, нежели тетю Зину, и я буду вполне счастлива этим.

– Мама! – с искренним порывом вырвалось из груди Лики. – Боже мой, да кого же любить-то как не вас, мама, красавица моя!

– Да я вас и без всех ваших подарков всегда любила. И как любила-то еще. Господи! Как я постоянно думала о вас мама! Знаете ли, что вы мне всегда представлялись каким-то неземным существом, какою-то волшебницей, право! Доброй феей. Я всегда гордилась тем, что я – ваша дочь. Ангел мой! Когда синьор Виталио как-то сказал, глядя на вашу фотографическую карточку, что вы похожи на Мадонну, я поцеловала у него руку за это. Тетя Зина, помню еще, выбрала меня тогда за излишнюю экзальтированность и сентиментальность, но, если бы он еще раз сказал это, я еще раз поцеловала бы, да...

– Ты очень любишь тетю Зину, моя дорогая? – осторожно осведомилась у дочери Мария Александровна.

– Очень!

– Больше, чем меня?

– Как можете вы так говорить мама! – начала Лика, и ее голос дрогнул затаенными слезами.

– Люби меня, детка! Люби меня больше всех в мире, больше всех, моя Лика! – взволнованно произнесла Карская, привлекая молодую девушку к себе на грудь, – согрей меня твоим чувством, моя крошка, девочка моя ненаглядная! Дай мне это, чего я так долго была лишена.

– Мама, мама! А разве Рен и Толя?..

– Молчи! Молчи, Лика! Они правы, может быть, по своему. – Мои дети оба хорошие, добрые, милые, но они не умеют быть ласковыми вообще, а я так ищу детской, нежной ласки!

Глаза Марии Александровны увлажнились слезами; ее лицо покраснелось. Она поднесла платок к глазам и тяжело дышала в ожидании ответа дочери.

– Мапочка! – вырвалось горячо из груди Лики сильным, дышащим неподкупным порывом молодости и чистоты, возгласом. – Никто, слышите ли, никто не сможет любить вас так, как я люблю вас. Вы так добры и прекрасны, так ласковы и нежны, чудная моя мамочка, и я так люблю вас, так сильно люблю!

– Лика моя, – растроганно произнесла Мария Александровна, – ты не поверишь, как много дала ты мне счастья и тепла своими словами! Господь да благословит тебя за это, моя милая девочка! О, мы будем с тобою большими друзьями! Не правда ли? Я чувствую это, я обрела, наконец, друга в моей дочурке, искреннего и не подкупного друга. Дорогая моя, незаменимая крошка! – и Мария Александровна поспешно стерла слезы со своего красивого, доброго лица. Когда в комнату вошла Феша с целым ворохом юбок и лиффов, она уже улыбалась

привычной улыбкой светской женщины и, зорко следя за движениями горничной, с ловкостью и проворством раскидывавшей все эти воздушные костюмы и украшения по козеткам и креслам изящного будуара и уже совершенно лишенным недавнего волнения голосом произнесла:

– Ну! ну, посмотрим, что ты, выберешь одеть на сегодняшний день, моя милая девочка?

Но Лика, еще не успевшая опомниться от только что происшедшей сцены, еще исполненная сладкого чувства, горячего влечения к матери, стояла растерянная и взволнованная посреди этого царства кисеи, лент, воланов и кружев и устремив свой взгляд на красивое лицо матери, которое она так привыкла любить, за тысячи верст расстояния отсюда всем своим сердцем, всей душой.

Мария Александровна поймала этот любящий дочеринский взгляд девушки и снова ласково улыбнулась ей.

– Ну, ну, выбирай же, что тебе надеть сегодня, моя птичка, а то мы не покончим до самого вечера, пожалуй, с этим вопросом.

Но Лике было решительно все равно, во что бы ее не одели. Все казалось ей безразлично, все, что не касалось ее матери, ее чаровницы-матери, которой, не задумываясь, Лика отдала бы всю свою жизнь.

V

Яркое солнце заливало потоками света прелестную уютную комнату, когда на другой день Лика проснулась.

Из сада несло звонкое веселое чириканье птиц, смешанное со звуками падающей воды искусственного каскада, устроенного неподалеку от окон ее чудесной комнатки.

Приятное сознание разом проникло в голову Лики. Она – дома.

Весь вчерашний день промчался, как вихрь, и ей не было времени сознательно проанализировать всю эту радость. После позднего обеда, на который были приглашены хохотунья Бэтси, оба товарища Анатолия и мистер Чарли, как его называла Рен, вся компания отправилась на музыку в сопровождении Марии Александровны. У Лики слегка шумело в голове от всей этой веселой суеты, французской болтовни и шуток брата.

Все казалось дивно-прекрасным и чарующим, как сказка для впечатлительной натуры молодой девушки.

На вокзале, где играла музыка, они заняли столик всей семьей со своими гостями и, весело болтая, пили чай. Но не больше, как через пять-десять минут были окружены веселой толпой молодежи, преимущественно товарищей Анатолия и приятельницами Рен.

Вскоре в голове Лики произошла целая путаница от всех имен, отчеств и фамилий, которые ей нынче пришлось услышать.

Она улыбалась и кланялась, кланялась и улыбалась все время и ей было весело, приятно и хорошо сознавать себя центром собравшегося общества. И даже сегодня, лежа на своей свежей мягкой постельке, потягиваясь и поеживаясь в ней как котенок, в это ясное августовское утро, Лика не может отделаться от того сознания счастья, которое наполняет ее сердце теплой, нежной волной. Ничего подобного она не ожидала, едуци сюда домой в Россию.

Правда, в ее воспоминаниях осталась прежняя полная комфорта жизнь ее дома в детстве, но то, что она нашла здесь теперь, превзошло все ее ожидания.

Карские жили роскошно, богато и открыто принимая у себя в доме массу народа.

«Господи! Как хорошо! Как весело! – мысленно произносила в сотый раз Лика, впервые окунувшись накануне в светскую беспечную жизнь и вдруг, точно окаченная холодной водою, вся встрепенулась и затуманилась сразу. – А тетя Зина и ее напутствие? Что она сказала бы, заглянув сегодня сюда...»

Тетя Зина... да...

И перед мысленным взором Лики, как живой, предстал энергичный образ суровой и строгой на вид пожилой женщины с резким голосом и манерами, с речами, исполненными силы выражения и так несвойственными женщине, с прямым и неподкупным взглядом о долге и о человеческих обязанностях.

– Помни, Лика, – звучат сейчас снова эти речи в ушах девушки, – не трудно размякнуть и разнежиться, распустить подпруги и тащиться кое-как, спустя рукава в триумфальном шествии дешевых победителей, жизненных удовольствий, проводя время в праздности и безделье, моя девочка! Это самое легкое, что берется от жизни. Старайся достичь иного, трудного, настоящего, верного идеала. Стремись к свету, моя Лика! Не обращай внимания на роскошь и веселую праздность, которые будут непременно царить вокруг тебя, и думай об одном: как бы достичь совершенства... той точки совершенства, когда ты можешь спокойно сказать себе: да, я поработала вдоволь, и сколько могла и умела принесла пользу другим, а теперь могу взять и для себя самой у судьбы свою долю. Я заслужила ее вполне.

И тут же, рядом с голосом тетки слышит Лика и другой голос... Голос седого, как лунь, старого, но сильного и мощного духом синьора Внталио, своего далекого маэстро.

– К солнцу, Лика! К солнцу! Где свет его – там и свет науки, искусства и труда, главным образом, огромного самоотверженного труда на пользу человечества, сопряженного с милосердием – там счастье!..

– Да, там счастье! – мысленно воскликнула молодая девушка, – там счастье! Они правы оба, и я сделаю все, что могу, чтобы оправдать их доверие. И ты, тетечка, и вы, дорогой мой наставник, вы будете довольны мною, вашей Ликой! Да, да, довольны, сто раз довольны вашей девочкой! И вам не придется напоминать о том, что вы уже столько раз говорили мне!

И с этими мыслями девушка быстро вскочила с постели и стала проворно одеваться.

Вошедшая на звонок Феша была не сказано удивлена, увидя почти готовую свою «младшую» барышню.

– Разве так еще рано, Феша? – в свою очередь изумилась Лика.

– Для кого как, барышня! – сдержанно и почтительно улыбнулась та; – оно по времени, пожалуй, что и не рано, как будто десятый час, на исходе. А только у нас это еще далеко не поздним временем, барышня, считается; мамаша к завтраку только из спальни выходят, барин давно уехали в город, Анатолий Валентинович на озере катается в лодке, по холодку...

– А Рен?

– Ирина Валентиновна еще с восьми часов с мисс Пинч на велосипедах отправились...

– Так рано?

– Обыкновенно-с... Оне ежедневно в семь часов какао кушают, и после того на утреннюю прогулку едут. А вернутся – гимнастикой занимаются... Да оне поди уж и вернулись, должно быть. Иван на дворе ихние машины сейчас чистит.

– Ну, так я пройду к сестре; как вы думаете, Феша, можно это? – осведомилась Лика.

– Можно, можно, потому как оне гимнастикой в этот час занимаются, – поспешила успокоить ее девушка.

Но Лика уже не слышала окончания слов своей разговорчивой служанки; через минуту она уже стояла перед дверью комнаты сестры.

– Войдите, – в ответ на ее стук отвечал из-за двери знакомый ей уже по звуку резкий голос Ирины.

Лика вошла. Рен стояла посреди комнаты с гириями в обеих руках, приподнятых над головой.

Ее комната резко отличалась от розового будуара Лики. Это было помещение с двух окон с большим столом, заваленным книгами и брошюрами, преимущественно спортивного содержания на английском языке, с жесткою мебелью, и такой же постелью в одном углу и платяным шкафом в другом. Ни признака драпировок, ни мягких диванов и кресел, ни изящных украшений не было в этой строго выдержанной комнате, напоминавшей собою суровую келью монахини.

– Я не помешаю тебе? – спросила Лика, не без смущения взглядывая в лицо сестры.

– Ничуть. Садись, пожалуйста. У меня полчаса времени, – бегло взглянув сначала на циферблат висевших на стене часов, потом на Лику, произнесла Ирина.

– Очень рада тебя видеть, – добавила она голосом, ни чуть, однако, не обнаруживая при этом ни малейшей радости.

Лика села в жесткое кресло у стола и стала смотреть на сестру. На Рен была та же короткая клетчатая юбка, что и вчера, но вчерашнюю блузку заменяла другая, в виде матроски, выпущенной поверх пояса, очень широкая и удобная для гимнастики.

– Ты ежедневно делаешь гимнастику, Рен, каждое утро? – спросила Лика, чтобы как-нибудь прекратить наступившее молчание.

– Каждый день, разумеется.

– И тебе не скучно это?

– Я не признаю этого слова, – серьезно и строго, наставительным тоном произнесла Ирина, – оно раз и навсегда изгнано из моего обихода, понимаешь? Скучать может только разве одна праздность. Когда же день заполнен сполна, то нет ни время, ни возможности скучать.

– Значит, ты довольна вполне своею жизнью, Рен? – помолчав немного, снова спросила сестру Лика.

– Я изменила бы весь строй ее, если бы она мне не пришлось по вкусу. Ведь от самого человека зависит создать себе полезное и нужное существование, а для того, чтобы достичь такого, необходимо нужно прежде всего, приобрести...

– Самоудовлетворение, – живо подсказала Лика, – не правда ли? Ты это хотела сказать?

– О, нет! – далеко не так громко усмехнулась Ирина. – Мы еще не дошли до этого: надо приобрести методу, Лика. Понимаешь, методу! – и Рен еще более приподняла свои белесоватые брови, в знак важности произнесенного ею слова.

– Методу? – удивленно переспросила Лика.

– Ну да, то, что англичане так высоко ставят и ценят и за что я так высоко ценю англичан; именно, методу, заполнять свой день делом полезным для самой себя, распределенным ею по периодам для заранее избранных тобою и нужных, полезных для тебя занятий...

– Полезных для себя или для других, я не поняла тебя вполне? – прервала ее на миг Лика.

– Это – экзамен? – проронила Рен, вскинув на нее свои холодные глаза.

– Ах, нет, пожалуйста! – спохватилась младшая сестра. – Я не хотела тебя обидеть вовсе, прости Ириночка!

– Я и не обиделась, – хладнокровно отвечала старшая. – Видишь ли, ты все это найдешь невозможным варварством и эгоизмом как и мама, – тут Ирина поморщилась, сделав гримасу от усилия вытянуть свою вооруженную тяжелой гирей руку, – но я отрицаю всякую сентиментальность. Наша мама очень много занимается благотворительностью. Устраивает кружки, комитеты... Выискивает бедных и вообще широко проявляет свою благотворительную, так называемую филантропическую деятельность. А мне все это кажется пустым времяпрепровождением. Каждый человек обязан только думать о себе самом. А помогать жить другому, значит делать его слабым: ничтожным и решительно не способным к труду. Вот мое искреннее мнение об этом деле.

– Но... но... – смущенно пролепетала Лика, – тогда многие бы умерли с голоду без помощи другого, если следовать по твоему примеру, Рен.

– Если им с детства твердить постоянно, что человеку надо надеяться только на самого себя и жить на собственные силы, а помощи ждать ему помимо не откуда, небось, приучатся к труду с малолетства, будут трудиться и работать, а стало быть, и сумеют просуществовать без чужой помощи.

– Какая жестокая теория! – прошептала Лика смущенно и печально.

– Для тех, кто не хочет и не умеет жить! – отозвалась ее старшая сестра. – А все вы, помогающие другим людям, как тетя Зина, твой учитель, ты сама, насколько вы увеличиваете только сами этим число ленивых и тунеядцев, которые, предоставляют другим заботиться о себе.

– Нет, нет, храни Господь поверить тому, что ты говоришь! – горячо вырвалось из груди Лики. – Я могу быть сама только тогда счастлива, когда счастливы другие вокруг меня. Иначе, лучше не жить, нежели быть эгоистом.

– Каждый живет для себя! Только для себя! – резко подтвердила старшая Горная.

– Рен! Ты какая-то странная, особенная, не такая как все. Я в первый раз слышу такие речи! Тетя Зина... – начала было смущенно Лика.

– Не я, а ты особенная с твоей тетей Зиной, вместе, – покраснев и теряя свое обычное на минуту спокойствие, вспыхнув, произнесла Рен.

– Скажи мне, пожалуйста, Лика, кто тебя научил таким странным, таким сентиментальным мыслям?

– Как, кто? Тетя Зина, синьор Виталио! – с детской горячностью произнесла Лика, – да и сама я с детства поняла, что жизнь для самой себя – эгоизм и скука.

– Ну, моя милая, советую тебе поскорее изменить свои взгляды. В нашем кругу, смею тебя уверить, они придутся совсем не ко двору... – усмехнулась Рен. – Однако, мне надо еще идти на партию крокета в сад, мистер Чарли и мисс Пинч должно быть уже давно ждут меня там, – бегло взглянув на часы, произнесла Ирина и с силой по-мужски пожала протянутую ей руку сестры.

Лика вскинула еще раз на нее удивительными глазами, тихо вздохнула и низко опустив голову, как виноватая, вышла из комнаты Рен.

VI

Две недели пролетели с тех пор, как младшая Горная вернулась под кровлю родительского дома, в круг родной семьи, две недели бестолковой сутолоки, праздной болтовни, постоянных приемов и недолгих часов одиночества за томиком французского или английского романа в руках. В этом, однако, не было вины Лики. Неоднократно собиралась молодая девушка поговорить с матерью о своих планах, открыть ей свои заветные мечты и поделиться ими с близким человеком. Но ее свиданья с Марией Александровной совпадали, как нарочно, в те часы, когда Лика не могла застать мать одну. По утрам Марья Александровна Карская вставала лишь к позднему завтраку, то есть к двум часам, в то время именно, когда дом уже кишел посторонними посетителями, приезжими из города родственниками и знакомыми. Впрочем, Лика и не особенно горевала покамест, уходя вся с головой в свое праздное бездействие.

«Вот переедем осенью в город, тогда все, все будет уже иначе. Можно и благотворительность, и пением заняться!» – неоднократно утешала она сама себя, чувствуя по временам острую тоску от такого пустого существования.

Однажды, возвратившись с музыки в свой розовый будуар-коробочку, молодая девушка нашла на своем письменном столике объемистый конверт с заграничной маркой.

«Венецианский штемпель. От тети Зины!» – мелькнуло вихрем в голове молодой девушки, и она дрожащими руками вскрыла конверт. С первых же строк этого объемистого письма Лику стало бросать от волнения то в жар, то в холод... Неприятное сосущее чувство недовольства собою, неловкость перед прямой и честной душой тети Зины наполнило до краев ее сердце.

«Что-то ты подделываешь, моя девочка? – писала ей тетка. – Надеюсь, не изменилась и старательно занимаешься пением по нашему уговору? Боюсь я одного, моя милая Лика, чтобы окружающая тебя теперь светская жизнь не засосала тебя в свою трясиину. Она заманчива, привлекательна, дитя мое, с наружной стороны. Но какая в ней пустота, моя девочка, если бы ты знала только! Но я слишком уверена в тебе, моя Лика, чтобы могла серьезно беспокоиться и сильно волноваться за мою честную, умную, и вполне уравновешенную Лику, которая обещала своей старой тетке положить себя всю на пользу другим.

Я слишком уверена в тебе, слишком знакома с твоей чуткой душой, чтобы бояться за нее, Лика. Мишурный блеск не может заслонить от тебя сияния настоящего солнца, дорогая девочка.

Учись же, пополняй пробелы своего образования, не складывай рук, обессиленная праздностью, не изменяйся среди роскоши и довольства светской жизни.

Говорила ли ты с твоей мамой о твоём давнишнем намерении учить бедных ребятишек? Когда начнешь заниматься пением?.. Синьор Виталио велел передать тебе, что грех зарывать в землю талант, данный Богом. Но ты уже знаешь нашего доброго старика, знаешь его постоянные речи на эту тему и поэтому я не буду распространяться по этому поводу.

А у нас здесь персики отягощают чуть ли не до земли ветви деревьев. Я как-то ходила вчера на наше любимое место и вспоминала тебя, моя милая, моя славная, родная девочка. Помнишь ли ты тот вечер, моя Лика, когда ты пела впервые „Addio Napoli“⁶ и когда синьор Виталио расцеловал тебя, сказав, что в твоём голосе кроется бесспорный талант, Божия искра.

Тогда была весна, Лика, и магнолии цвели и апельсиновые деревья стояли все белые-белые, как невесты под фатой своих чудесных цветов.

Лика, Лика, моя девочка, помнишь ли ты также и ту весну, когда впервые сознала в себе острую потребность отдаться всем своим существом на пользу людям. Помни, Лика моя, –

⁶ Прощание с Неаполем. Популярная итальянская песнь.

будут говорить кругом тебя: „один в поле не воин, одна ласточка не может сделать весны“. Но, дитя, если каждая из нас проникнется общей идеей любви к беднякам и сознанием необходимости прийти им на помощь, отдать все свои силы на труд, работу и пользу людям, легче, поверь мне, станет жить не только тем, кому помогаешь, но и самой себе!!..»

– Да, да, да!

Безумный восторг, охватил снова Лику по прочтении этого письма. Чем-то теплым, ласковым, чудным и бодрым повеяло на нее от этих ласковых строчек...

– Да, да, да! именно, так и надо поступить, как пишет незабвенная тетя Зина. И как вовремя подоспело оно, это милое, родное письмо!

Как раз вовремя подоспело, когда Лику уже начал закруживать этот водоворот светской суеты, в котором утонули уже ее сестра и Толя, и все ее здешние знакомые, и который, действительно, способен заманить, втянуть в свою с виду соблазнительную и увлекательную пучину.

Нет, тысячу раз нет, он не осилит ее, не затянет ее, Лику!

И перед молодой девушкой мысленно встала та дивная весенняя ароматичная итальянская весна, о которой писала в своем письме тетя Зина, когда Лика впервые почувствовала, ощутила в себе эту жгучую потребность служить людям. Да, тогда была весна, теплая, ласковая, голубая... Пахло апельсинами и миндальными цветами... Море курилось серебряной дымкой, а в зеленой траве синели фиалки. И на террасе виллы она, Лика, поет свое «Addio Napoli»... И весна поет вместе с нею, и море, и фиалки. И самый воздух поет, ароматичный и чудо-прекрасный в этой благословенной южной стране.

Лика забылась в своем сладком дурмане! В голове встали грезы, а душа ее уже томилась и тосковала по звукам песен. Губы раскрылись, невольно, глаза заблестели и вдруг, неожиданно, розовая комнатка огласилась первыми звуками прекрасной, как мечта, неаполитанской песни.

Лика распахнула окно. Студеная волна ночного воздуха ворвалась в комнату. С вокзала долетали умирающие звуки музыки, с неба глядела луна, таинственная и точно робкая, под легкой дымкой облаков. «Addio Napoli», – пела Лика и, глядя на эту северную студеную ночь, на испещренное золотистыми бликами небо, на таинственный палевый месяц и молчаливо замерший в своей жуткой непроницаемости сад, она думала о другом небе, ясном и прозрачном, о других ночах, благовонных и горячих ночах юга...

В саду под самыми окнами Лики блеснул огонек сигары...

– Лика! – послышался чей-то не громкий голос.

Девушка разом отпрянула от окна. Песнь круто оборвалась, замолкла, неоконченная, на полуслове.

– Это – я, Лика, не бойтесь... – и Андрей Васильевич Карский выступил из тени в полосу лунного света.

– Ах, это вы, petit papa! А я не узнала вас! Думала чужой! – произнесла Лика дрогнувшим голосом.

– А вы хотели бы увидеть вместо меня волшебника той дивной страны, о которой вы так очаровательно сейчас пели? Но какой у вас голос, Лика! Я и не воображал и не подозревал даже, что вы поете, как настоящая певица.

– Я училась три года пению! – скромно отвечала ему Лика.

– Но вы поете бесподобно, как никто. Я ничего подобного не слышал вне сцены театра. Однако послушайте, Лика, вам сейчас еще не хочется спать, – спросил отчим и не дожидаясь ее ответа, прибавил: – накиньте что-нибудь на плечи потеплее и сойдите в сад. Мы потолкуем с вами.

– С удовольствием, – вскричала Лика, обрадованная как ребенок возможностью найти собеседника, и через минуту вышла к отчиму, закутанная в белый оренбургский платок.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

– О чем вы, рара? – изумилась она.

– Знаете ли, Лика, на кого вы похожи так? На какую-нибудь белую виллису скандинавской древней саги или фею волшебной страны. Но, впрочем, оставим фантазии! Я нахожу, что вы сегодня совсем иная, нежели всегда.

– И вы тоже иной, рара, совсем иной, нежели прежде, – в тон ему отвечала падчерица.

– То есть? – изумленно приподнял свои строгие брови отчим.

– Вы не рассердитесь, если я буду откровенна с вами? Не обидитесь на меня? – и Лика, нежно прижавшись к нему, продернула ему под руку свою тонкую ручку.

– Можно ли сердиться на вас, Лика. Вы сама – доброта.

– Ну, так слушайте же, что я буду говорить вам. Вы сегодня совсем, совсем иной, чем эти две недели, что я вас знаю. Вы всегда такой деловой, такой озабоченный, и строгий, как в министерстве. Вид у вас такой замкнутый, такой серьезной, какой-то непроницаемый, сказала бы я... И, когда вы с гостями даже или на музыке, от вас холодком веет, деловым холодком.

– Что подлаешь! Я – «человек портфеля», как про меня весьма остроумно выразился один шутник. У меня своя система жизни.

– Ха, ха, ха! – звонко расхохоталась Лика и ее смех так и прорезал восстановившуюся было тишь мгливой осенней ночи. – У вас система, у Рен – метода, Господи, что за люди такие собрались! А по-моему – жить «по мерке» – ужас.

Тут смех ее разом прервался и сама она нервно вздрогнула, кутаясь в платок.

– А вы как понимаете жизнь, Лика?

– О, совсем, совсем иначе! Я бессистемная какая-то, рара, право, – и она рассмеялась, – я понимаю жизнь...

– В вечном празднике и в погоне за удовольствиями. Не так ли? – подсказал отчим.

– Бог с вами, рара! – и Лика с нескрываемым негодованием блеснула на спутника своими большими глазами, – я хотела бы жить исключительно для других, хотела бы стать нужной, необходимой людям, хотела бы сделать многих счастливыми кругом... и потом трудиться, учиться, самосовершенствоваться... Я хотела бы отдать свое лучшее «я» тем, кто нуждается в этом.

– Вы, значит, хотите заняться делами милосердия... да? – ласково обратился к ней с вопросом отчим...

– Да, да, это – главное, – горячо сорвалось у нее. – Вы знаете, рара: стыдно бездействовать и купаться в довольстве, когда... Ах, Господи... нужды бедноты, лишений кругом сколько, ужас! Заграницей бедность не так сильно бьет в глаза. Они все там изворотливы, как кошки, и умеют устроиться. А у нас эти жалкие лачуги в дебрях России, этот хлеб с мякиной и песком... и полное невежество в глуши, незнакомство с букварем, с грамотой. – Конечно, я не видела всего этого, а по книгам и по словам тети Зины знаю много, очень много.

– А, а, вот она, ваша капризница тетушка, всегда недовольная ничем! – пошутил Андрей Васильевич.

– Тетя Зина не то, что о ней думают, – строго остановила его Лика. – Вы ее не поняли. У нее одна жажда, стремление увидеть все у нас в России, так же благоустроено и хорошо, как и заграницей.

– И потому-то она и заперлась в Италии и не показывается сюда, – снова своим обычным ледяным тоном проронил Карский.

– Рара! – совсем уже серьезно произнесла Лика, – вы и не подозреваете сколько она делает тайного добра людям. Она отрывает от себя большую часть своей души, большую от людских нужд и горя, но переменить жизнь ей не под силу. Она уже старушка, моя тетя Зина! – пылко вырывалось из груди Лики. – Ведь под конец жизни очень трудно менять свои привычки на старости лет. – Я же, хочу дела, большого, огромного, чтобы всю меня захватило оно, всю без изъятия. Я не могу довольствоваться долей светской барышни, я не могу всю себя передать

спорту, как Рен и всегда веселиться, как Толя, я хочу иного, поймите? Мне с мамой не приходилось говорить об этом. Да и потом, у мамы свои взгляды. Она предложила мне заниматься кроме моего пения английским языком и рисованием по фарфору или выжиганием, чтобы убить время. Но я не хочу его убивать. Оно мне нужно, как святыня, нужно. У меня голос, хороший голос; синьор Виталио сумел эксплуатировать свой голос на пользу других, я хочу так же идти по его стопам, я выступала в Милане и помогла несчастным своим концертом. И тут я могу так же... тем же способом, если...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.